

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

«Кавалерист-девица» Надежда Дурова, желая участвовать в войне против французов, обрядилась в мужской наряд и выдала себя за Александра Александрова. Под этим именем была произведена в офицеры, издала «Записки», удостоившиеся похвалы Пушкина.

В годы Великой Отечественной войны предметы женского туалета входили в армейскую вещьную ведомость наравне с мужскими. Женщины служили не только медсестрами, врачами, санинструкторами. Не только связистками и обслугой в походных гренадирских. Они входили в диверсионные группы, были пилотами бомбардировочного полка, составляли команды снайперов, выполняли агентурно-разведывательные и террористические задания. Эмансипация достигла небывалых вершин.

Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» начинается относительно благополучными днями. На уч-

ского десанта, замыслившего диверсию в нашем тылу. Молодые, полные надежд, по-женски прочно сцепленные с жизнью, они бьются насмерть. Хотя приобрести к солдатской ненависти им труднее. Каждая ведь «мать будущая, в которой самой природой ненависть к убийству заложена». Ощущая это, Васков внутренне сближается со своими подчиненными. Не всегда их понимая, но всегда им сочувствуя, он способен проявить терпимость и мудрость, какие не почерпнешь в газетах. Незаметно для себя он и сам меняется. Яркий служака, просит теперь называть его по имени. Необходимость в субординации отпала. Он испытывает к девчатам отеческие, братские чувства.

Не слишком ли все это идиллично! Утвердительный ответ был бы оправдан, если бы война не создавала ситуации, не рождала союзы, маловероятные в другие времена. Их скрепляли могилы, кровь, ненависть. Имен-

А главное, что могла нарожать Соня детишек, а те бы — внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки в бесконечной пряхе человечества, перерезанной ножом...». В нем сохранилась первозданная крестьянская мудрость. Сохранилась вопреки всему выпавшему на долю. В бою он изворотлив, безжалостно опытен. Но всего ему не предугадать. Гитлеровцы действуют с бесстрашием профессиональных убийц. Его девчата — порой по наитию. Погибают все пятеро. А раненый Васков, конвоируя остатки вражеского десанта, трясаясь в ознобе, смеясь сквозь слезы, кричал:

— «Что, взяли!.. Взяли, да!.. Пять девчат, пятеро девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..»

Его так и не оставит чувство осиротелости, и спустя

НЕ ЖЕНСКОЕ ЭТО ДЕЛО

ромный разезд весной 1942 года прибывает новая, не совсем обычная команда. Под начало старшины Васкова, недовольного своими прежними подчиненными — служба при зенитных установках, те быстро осваивались среди молодых и вдовушек, пухли от самотога, — прислали непьющих. Острые на язычок девчата и старшина — безоговорочный поборник армейского устава, каким не предусматривается такой, скажем, случай: что делать командиру, когда подчиненные занимаются бесконечными постирушками и развешивают окрест демаскирующие детали своего обмундирования!

Писатель выжал все возможное из забавной коллизии. Даже пережал. Не так уж и забавно; слишком несовместимо — женщины и блиндажный быт. Несовместимо, несмотря на то, что стало фронтовой повседневностью, а на разъезде до поры до времени спокойно, «юнкерсы» проплывают высоко в небе, побережья бомбы для других объектов.

Отношения между зенитчицами и непосредственным начальником чреватые конфликтом. Однако старшинский пыл Васкова по сути своей не солдафонский, ему одинаково важно приучить зенитчиц к армейским порядкам и понять каждую в отдельности, сколотить, как говорят в войсках, подразделение. Раз уж девчата попали в его подчинение, он сделает из них бойцов, стараясь всякий раз облегчить службу. Вместо вполне вероятной вражды устанавливаются дружба, союз. Когда наступит схватка с гитлеровцами, мы из нашего послевоенного далека оценим командирскую власть и душевную тонкость Васкова.

Старшина и пятеро девчат выступают против враже-

но то, против чего восстает человеческая натура. Но невольно принимает под власть гибельных обстоятельств.

Противоречие! Конечно. Однако всякая война — сцепление противоречий. Одни из них разрешаются кровью, другие остаются, третьи завязываются.

Духовной слитности зенитчиц и их командира противопоставит механическая отлаженность гитлеровских десантников. В спектакле, поставленном Театром на Таганке, десантники движутся с тупой, отработанной согласованностью, шаг в шаг. Их лица неразличимы, окутанные туманом четырехугольные фигуры однотипны.

Мне думается, это один из лучших спектаклей Ю. Любимова, его строго, выразительно изобретательно оформил Д. Боровский.

С выверенной размеренностью продвигаются гитлеровцы. Расчетливо вонзают нож в грудь Соне, правда, чуть неточно. («Удар у него на мужика был поставлен, — замечает Васков. — Не дошел до сердца с первого раза: грудь помешала...»), деловито добивают раненого товарища («Пристрелили, — определил старшина. — Свои же: в затылок. Раненого добивали: такой, значит, закон...»). Закон тотально-механического уничтожения. Для Васкова он — привилегия гитлеровцев, для нас, уже знакомых с «шутками» омовцев и спецназовцев в масках, не только их.

Представления Васкова о жизни и смерти не всегда, не во всем совпадают не только с нашими, но и с представлениями юных зенитчиц. Когда подружились, оплакивая Соню, вспоминали: была отличницей в школе и в университете, Васков про себя подумал: «Не это главное.

много лет вместе с взрослым уже сыном одной из зенитчиц он придет в места, где некогда вспыхнул неравный бой.

Трудно, однако, согласиться с писателем, с его объяснением Васкова: «Всю свою жизнь Федот Евграфович выполнял приказания. Выполнял буквально, быстро и с удовольствием (...). Он был передаточной шестерней огромного, заботливо отлаженного механизма: вертелся и вертел других, не забываясь о том, откуда началось это вращение и чем закончится».

Полно. Откуда взялся «заботливо отлаженный механизм»? Что до Васкова, то он с четырнадцати лет единственный в семье мужик — кормилец, поилец, добытчик. Кто уж тут ему, хлебопашцу и охотнику, отдавал приказания! И фронтовая разведка, где служил Васков, требует куда большего, чем глупое умение вертеться и вертеть других. Будь Васков всего-навсего «передаточной шестерней», ничего бы у него не получилось с ершистыми девчатами, не одолеть ему десантников.

К счастью, Федот Васков, человек внутренне независимый, не превратился в «шестерню». Хотя для этого прилагались немалые усилия. Но он безотчетно им сопротивлялся, оставаясь самим собой.

В литературе такое случается — писатель, создав своеобразный характер, предлагает достаточно ординарное его истолкование. Мысль о «шестернях», «колесиках» и «винтиках» внедрялась в сознание достаточно упорно. И в этом, видимо, причина авторского комментария, незаслуженно приносящего героя.

В. КАРДИН.